

АЛЕКСАНДР БЕСОНОВ,
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН и К°

Удивительные
истории

Собакам

Москва
Издательство
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
УЗО

Концепт-редактор
Александр Прокопович

Координаторы:
Наталья Криштоп, Ольга Есаулкова

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-159504-3

© Юлия Межова, ил., 2023

© Авторы, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Александр Бессонов

ЧАРЛИ

Меня зовут Чарли. Я лабрадор. Милый кобелек, который нравится всем. Иногда, правда, мне не нравятся эти самые все — приходится кусать. Берегите попы. Еще у меня есть хозяйка. Я ее люблю, какой бы она ни была и что бы ни вытворяла. Дальше не обсуждается. Люблю — и всё.

Она купила меня щенком. Мне был месяц, а ей — четыреста восемь месяцев. Не ищите калькулятор, так и быть, помогу — тридцать четыре года. Уже на следующий вечер она сидела на полу нашей двухкомнатной хрущевки, пила четвертый по счету бокал красной гадости, гладила меня и плакала:

— Ну и катись на фиг. У меня теперь есть собака, она никогда не предаст. Скажи, Чарли, что во мне не так? Сказал, готовлю не очень — пошла на курсы к французскому шеф-повару. Вроде перестал бубнить. Потом до одежды моей докопался: ходишь, говорит, в бесформенных балахонах и похожа на мешок с картошкой, рядом стоять стыдно. Сменила гардероб, хорошо еще, помогли мама с бабушкой — много своих вещей отдали. Вообще перестал на меня смотреть. Потом намекнул на секс: типа, у нас уныло, а в кино по-другому, люди с душой и профессионализмом подходят к процессу. Какие такие кина? Я два месяца на Ютубе изучала ролики и на бананах едва не разорилась. Опять бабушка помогла — принесла два ве-

дра кукурузы. Всё для него! А он ушел... Чарли, ты у меня один-единственный. Не бросай никогда, ладно?

Я посмотрел в зареванные глаза и лизнул ее в щеку. Что оставалось делать? Это сейчас я могу того придурка сожрать вместе со шляпой и ботинками. А от щенка много ли толку? Она обняла меня, и мы уснули. Говорю же: во всем виновата красная гадость.

Пропорционально размеру моих луж на полу хрущевки рос и я. Она заботилась обо мне. Видно, всю свою энергию вкладывала. Я по ящику видел передачу про пятизвездочные турецкие отели, называются «ол инклюзив». В тот период нашей жизни я наслаждался ультра ол инклюзив. Кормили от пуза, по субботам — авокадо. А обязанностей никаких: утром проводил хозяйку на работу и жди себе, пока вернется. Я и ждал (если честно, спал без задних лап). Потом она возвращалась, целовала меня и кормила фаршем. Мы оба были счастливы. Говорю же, люблю ее. Всем сердцем люблю.

А потом в квартире нарисовался какой-то хмырь, вроде коллега с работы. Пришли они после кина, выпили на кухне красной гадости и в спальне закрылись. Судя по звукам, ей понравилось. Ну, раз она счастлива, то и я счастлив. Однако наутро она впервые за всю нашу совместную жизнь забыла меня покормить. За это расплатились ботинки хмыря. Скажем так, их не стало. Хотел и хмыря наказать, но она смотрела на него с такой любовью, что я передумал.

Хмырь оказался нормальным мужиком — мясо мне приносил. Ботинки, правда, прятал в холодильник. Что странно — он навещал нас только в обеденное время, ну и ночевал иногда. Вечерами хозяйка не отлипала от телефона: с ним, похоже, переписывалась. И становилась все грустнее. По выходным совсем труба — сидит и смотрит на телефон, а он не звонит, кот дрянной. Во время очередного напольного ве-

черного заседания с красной гадостью она гладила меня и говорила:

— Эх, Чарли, ну почему всё так? Он женат. Один нормальный, понимающий человек попался, и тот, блин, с приданным. Думала в его компании дух перевести. Перевела, ага! Каждый его лайк в инсте отслеживаю, с телефона не слезаю. Я ведь лучше его жены, Чарли. Вот, посмотри на груди мои — это ж подарок судьбы. Дожила, собаке грудь показываю! Скоро новогодние праздники, а мы с тобой опять одни.

Она тихо заплакала. Ну все, конец тебе, хмырь! Добегался, параллельный мой. Она меня обняла, а я рычал от ненависти.

На следующий день, когда он явился в очередной раз на обед в костюме, лишился и костюма. Как только ушел в ее комнату, я приступил к работе. За каждую ее слезинку, козел, ответил! От костюма остались рожки да ножки. Еще повезло: нашел на полу два телефона на зарядке — его и ее. Сгрыз оба. А зачем в эту штуку пялиться и потом плакать ночами?!

Хмырь вышел из спальни в ее халате, увидел, что, кроме халата, надеть нечего и телефона нет, начал хлестать меня поводком. Она закричала, хотела меня защитить. Хмырь ее оттолкнул, сгреб меня в охапку, спустился к машине и запихнул в багажник. Я думал, топить везут, прикидывал, как на него накинусь, когда из машины вылезет. Но хмырь притащил меня в какую-то клинику. В клетку посадили, вкололи что-то, тут мои силы и закончились. Когда проснулся, чужая тетка гладила меня через прутья клетки и говорила в телефон:

— Что за люди? Заведут собаку, наиграются, и всё, не нужна. Привезут, тысячу сунут — усыпляй, дорогая. Ладно, я тебе перезвоню.

Тетка подсела ближе. Одной рукой гладит, а второй шприцем в бок целит. Я не тупой, все понял. Только

хозяйку жалко: как она без меня? Троекратное «гав, гав, гав!» Ну, пока, мир.

Вдруг двери открылись, и она сама вбежала, вся зареванная:

— Стойте! Нет, не надо! Я нашла тебя, нашла!

Тетка остановилась и заворчала, что не вернет тысячу, но нам не до нее было. Хозяйка бросилась ко мне, я — к ней.

— Чарли, я все клиники объездила! Прости меня, прости! Слышишь?

Говорят, что собаки не плачут. Вранье. Тогда я плакал, один раз. Только никому не рассказывайте. Мы вернулись домой и уснули.

* * *

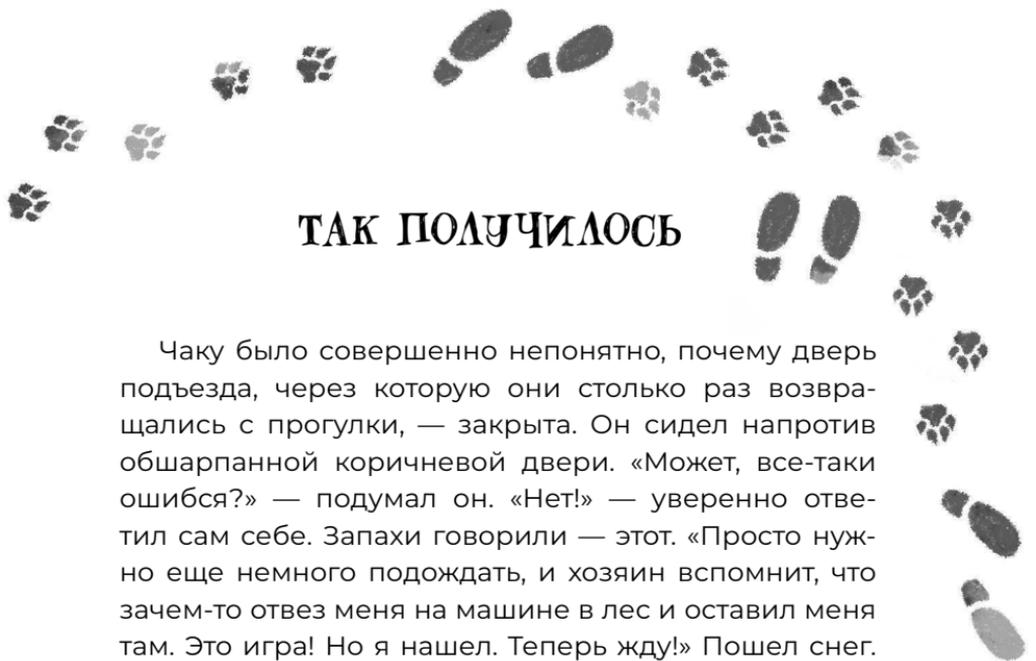
Потом хозяйку уволили — это хмырь постарался. Из моего рациона пропало мясо, пришлось сидеть на кашах. Я стал пассивным вегетарианцем. Но она не сдавалась. Мы с ней начали бегать по утрам. В основном, конечно, я бежал, а она больше безрезками любовалась. Отдышится — и до следующей безрезки. Пару месяцев прошло, и ничего, резвее побежала. Красную гадость почти перестала пить. Только с бабушкой, когда та приносила кукурузу и старые юбки.

Еще хозяйка пошла учиться — туда, куда давно хотела. Цветочки в букеты собирать. Я ей намекал, чтобы то же самое, но с мясом. Мясной букет — лучшее, что есть на земле. Но, раз хозяйка предпочитает цветочки, значит, я тоже. Всю нашу хрущевку завалила букетами и сказала:

— Если мне никто не дарит цветов, значит, сама буду составлять красивые букеты и дарить другим. Я намек понял и на следующей пробежке принес выданный с корнем лопух — большой и зеленый. Хозяйка презент оценила, обняла меня, поцеловала. Сентиментальная! Вскоре ее взяли на работу в цве-

точный магазин, чему она была рада, а я еще больше. Во-первых, все цветочное барахло переехало по месту службы, а наша хрущевка снова на квартиру стала похожа, а не на стог сена. Во-вторых, в мой рацион вернулось мясо.

Через два года к нам пришел Серёга. Вроде холодильник чинил, а потом остался. Серёга классный! Он ее не обижает, наоборот, она с ним смеется постоянно. Недавно появился еще один Серёга, совсем маленький. Хозяйка попросила его тоже охранять и любить. Сделаем! По-другому никак — я же собака.

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ

Чаку было совершенно непонятно, почему дверь подъезда, через которую они столько раз возвращались с прогулки, — закрыта. Он сидел напротив обшарпанной коричневой двери. «Может, все-таки ошибся?» — подумал он. «Нет!» — уверенно ответил сам себе. Запахи говорили — этот. «Просто нужно еще немного подождать, и хозяин вспомнит, что зачем-то отвез меня на машине в лес и оставил меня там. Это игра! Но я нашел. Теперь жду!» Пошел снег. Лапы Чака мерзли все сильнее и сильнее. Тело предательски дрожало, не спасала даже шерсть.

«Главное — не думать про голод. Сейчас они как увидят меня, как обрадуются. Да как дадут большую вкусную косточку...» Трясущаяся некрупная собака подошла к сугробу и стала есть снег. Снег таял в пасти, пить хотелось меньше, но становилось еще

холоднее. Хотя куда еще больше. «Сейчас меня запустят, и я лягу рядом с огромной белой батареей. Но сначала косточка. И суп. А потом буду на них всех рычать. Я понимаю, конечно, что игра. Тренировали меня. Но я искал наш двор несколько ночей. Вчера прошмыгнул в открытую дверь подъезда, согреться. Утром проснулся от удара ногой дворника в бок. Заскулил. Сил не было даже укусить его. Люди странные. Когда я на поводке с хозяином, то почти каждый человек на улице мне улыбнется, поздоровается с хозяином. А когда один, все с ненавистью смотрят, а этот даже пнул. Теперь бок болит. Зараза, блин!»

Собака несколько часов неподвижно смотрела на дверь подъезда. Из нее никто не выходил и не входил. Чак начал тихонечко скулить. Мыслями он уже был сыт и в тепле. «Нужно только чуть-чуть подождать. Чуть-чуть». Началась метель. Чак уже почти не чувствовал лап. Он лег, свернулся клубочком. Постепенно его сознание улетало куда-то далеко-далеко. Он свою задачу выполнил. Да, было сложно, но он нашел свой подъезд. Он — молодец. Надо поспа...

* * *

Виктор Михайлович был в квартире один. Дел было невероятно много: посмотреть телевизор, попить чаю, потом опять посмотреть телевизор, потом опять чаю, потом поспать и снова попить чаю... Больше на сегодня дел не было. Да что уж — на ближайшие лет десять распорядок дня был один и тот же. Раньше — вот это да! Водитель электропоезда. Он вез людей с окраин в самое сердце города. Он был частью огромной кровеносной системы мегаполиса. А главное, он был нужен.

«Ничего! — успокаивал он сам себя. — Скоро весна. Рассаду посажу. Там уже дачный сезон не за горами. Чуть-чуть — и перезимую!» Он пошел на кухню. Поставил кипятить чайник. Раньше во время кипя-

чения можно было с кем-то поговорить, поворчать. А сейчас его словно обманули. Поспешили. Предательски оставив его одного.

Чайник вскипел. Виктор Михайлович привычным движением открыл тумбочку, где должна лежать заварка. Ее не было. Точнее, коробочка была — а заварки в ней не было.

«Тьфу ты, елки-моталки. Кончилась. Надо в магазин идти», — радостно подумал он. Быстро одевшись, вышел из квартиры. В подъезде перегорела лампочка, а может быть, опять украли. «Надо новую вкрутить. На обратном пути».

Открыв двери подъезда и сделав несколько шагов вперед, Виктор Михайлович обо что-то споткнулся и чуть не упал.

— Елки-моталки! — пробурчал он.

«Что-то» оказалось собакой, заметенной снегом.

Снег не таял.

— Чак! — Виктор Михайлович узнал соседского пса. — Чак, ты чего?! Совсем тебе плохо? погоди, я в домофон твоим хозяевам позвоню. — Он подбежал к домофону и набрал квартиру Чака. Никто не отвечал. Потом набрал номер соседей. Там ответили.

— Это сосед ваш. Не знаете, где соседи ваши, из шестьдесят четвертой? У них тут собака чуть не замерзла!

— Так они съехали. Развод вроде. Квартира продается.

— Елки-моталки! Спасибо.

Виктор Михайлович снял с себя пуховик. Положил рядом с собакой. Аккуратно перчаткой смахнул снег, переложил Чака на пуховик. Кажется, собака не дышала.

— Тьфу ты, елки-моталки! Чак, дыши!

Он затащил его в подъезд. К батарее. Гладил по замерзшей шерсти. По пути постучал в первую попавшуюся квартиру. Дверь открыла соседка Нина:

— Виктор Михайлович, что случилось?

— Нина, собака... Я вас очень прошу. Найдите ближайшую ветеринарку и вызовите нам такси.

* * *

— Алло, Елена?

— Да, а это кто?

— Это ваш сосед из семьдесят второй квартиры. Виктор Михайлович. Мне ваш телефон Нина дала.

— А, здравствуйте, Виктор Михайлович.

— Я по поводу Чака.

— Это к Михаилу. Я никогда не хотела эту тупую собаку.

— Хм... Мы сейчас в ветери...

— Виктор Михайлович, этот debil не может зарабатывать даже на ипотеку... И тут на! Собаку купил. Вы знаете, что я несколько лет тянула семью на своем горбу?! Попросила его избавиться от псины... А он даже этого сделать не может! Всего доброго!

* * *

— Алло, Михаил? Это Виктор Михайлович. Сосед. Бывший. Чак домой прибежал!

— Вы путаете. Наш Чак в лесу потерялся.

— Я уверен, что это Чак!

— Нет, этого не может быть.

— Ясно. Нельзя так с ними.

— Я не понимаю вас!

— Все ты понимаешь. Я рад, что у меня не стало таких соседей.

* * *

Уже несколько месяцев Чак жил в новом доме. Кончики ушей он потерял, ну и на две лапы до сих пор больно было наступать, но ничего, он привык. Собаки во дворе ему растолковали — да-да, у собак тоже есть свое комькунити! И они общаются. Это вовсе не

игра была. Вернее так: это была игра двух взрослых людей, в которой Чаку нужно было выполнить команду «умри». Только по-настоящему.

Еще Чак под деревьями вынюхал (а вы поди думаете, у собак нет своего Интернета?), что у него новый хозяин. В инструкции говорилось, с хозяином надо гулять три раза в день. Он — немолодой, и, чтобы хозяин не залипал перед телевизором, Чак тренировал его бегом. «Забавные они, эти люди. Те вроде улыбались, но чуть жизни не лишили. Этот всегда недовольный. Бубнит постоянно. На самом деле добрый и хороший. Чак не дурак: тех кусать, этого любить!»

* * *

В дверь постучали:

— Виктор Михайлович, это Михаил. Я ща живу с женщиной. У нее ребенок. Девочка собаку хочет. Давайте я Чака заберу у вас. Извините, что так получилось. Сколько я должен за ветеринарку?

— Михаил, не понимаю вас.

— Так получилось... Я мало зарабатывал и...

— Собаке без разницы, сколько ты зарабатываешь... Чак в лесу потерялся.

— Виктор Михайлович, вон же он лежит на подстилке.

— Это Норрис, а Чака ты потерял.

— Чак, ко мне!

Собака, лежа на подстилке, не двинулась с места. Только оскалила зубы.

— Михаил, вам пора. Я бы вам советовал к врачу зайти. Сердце проверить.

— А что не так с моим сердцем?

— Мне кажется, его нет.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

Появление в семье Петровых маленького человека собака по кличке Мэйсон восприняла спокойно. Но, когда этот человек начинал кричать, Мэйсону становилось не по себе. Он тоже хотел есть и на улице, но не до такой же степени. Потом он заметил, что хозяева стали раздражительными и сильно уставали из-за бессонных ночей с кричащим человеком. Мэйсон решил, что пора с этим разобраться.

Он понял, что нужно переключить внимание недозвольного. И как-то раз, когда маленький человек стал кричать, Мэйсон принес ему в кроватку свое любимое игральное кольцо ярко-синего цвета. Маленький человек передумал плакать и внимательно посмотрел на странное меховое существо, потом — на кольцо. Любопытство победило, и он схватил кольцо крошечными пальчиками и стал играть. Через полчаса малыш уснул. Это была победа Мэйсона. Хозяева этой ночью не вставали и выспались.

Утром Петрова сказала мужу:

— Слушай, чудо какое, Мишка дал поспать! А ты еще спишь?! Мэйсон, гулять.

На прогулке Мэйсон был очень горд собой. Видеть улыбающуюся хозяйку — это счастье. Ну и, конечно же, неплохой шанс выпендриться перед другими собаками, коллегами по проживанию в одном дворе.

В следующий раз Мэйсон решил поменять тактику. Он опять передними лапами встал на детскую кроватку так, чтобы молодой человек его заметил. Как только Миша увидел в кровати что-то меховое с розовым языком, он стал кричать. Мэйсон начал скулить. Молодой человек перестал. Перестал и Мэйсон. Так продолжалось несколько раз, пока Миша не понял алгоритм. Через полчаса маленький человек смеялся, периодически скуля, как Мэйсон. Собака тихонько подскуливала вместе с ним.

Наутро хозяева были добрыми и счастливыми. Опять. Мэйсон понял, что это его призвание. Каждую ночь он прокрадывался к Михаилу и развлекал ребенка. Было понятно — игра нравилась обоим.

* * *

Как-то раз Михаил кричал всю ночь. Петровы не спали. Мэйсона в комнату к его маленькому другу не пускали. Потом приехали люди в белых халатах. И началась какая-то суета в квартире. Потом люди в белых халатах быстро увезли куда-то Мишу и его маму. Чуть позже, собрав какие-то вещи, уехал и сам Петров.

Мэйсону стало не по себе. Он понимал, что происходит что-то нехорошее. Он лег на коврик у входной двери и тихо заснул.

Ближе к вечеру приехал один Петров. По его лицу было понятно, что все плохо. На прогулке он не сказал ни слова. Хозяин о чем-то напряженно думал.

Когда они вернулись домой, Петров достал какую-то бутылку из холодильника и за несколько раз, быстрыми глотками выпил ее содержимое. Закашлялся, скорчил зверское лицо, потом неожиданно стал реветь. Мэйсон за компанию заснул вместе с ним. Потом хозяин закричал:

— Мэйсон, ну почему так?!

Мэйсон не знал ответ. Хозяин посмотрел куда-то в окно и сказал:

— ХОЧЕШЬ, ЗАБЕРИ МЕНЯ, ТОЛЬКО ЕГО НЕ ТРОГАЙ!!!

Потом Петров завалился на пол и уснул. Мэйсон все понял.

* * *

Хозяева появлялись в квартире редко. В основном — переодеться, помыться, погулять и накормить собаку. Мэйсон еще с детства знал, что если чего-то сильно хотеть, то это непременно сбудется. Он хотел

вернуть своего маленького друга обратно. Постоянно про это думал и кого-то просил. И... Это сработало, понял он.

С каждым днем хозяева становились веселее. На их лицах появилась надежда. Иногда хозяйка прижимала Мэйсона к себе, и они сидели неподвижно. Каждый думал и просил одно и то же.

* * *

Мишу привезли. Он весь был в каких-то бинтах, но такой же маленький и смешной. Мэйсон так вилял хвостом от радости, что чуть не сломал полку для обуви. Хозяева были вне себя от счастья.

Ночью, когда все уснули, Мэйсон пробрался в комнату своего маленького друга, встал на кроватку передними лапами и тихонько прошептал смотрящему на него Мише:

— Мы очень волновались, почему ты так долго?

Маленький друг не ответил. Еще бы, ведь маленькие люди не умеют разговаривать...

ОН ПОВЕРИЛ

— Я же попросила тебя сходить в магазин! Нет, блин, сидит, в телефон свой уставился!

— Ты не кричи на меня! Только с работы пришел! Могу я чуток передохнуть?!

В семье Павловых назревал конфликт. Моментально в комнате появился Джой, забавный фокстерьер-двухлетка. На каждую громкую фразу супругов он гавкал, как будто бы хотел перелаять людей.

— Ты уже полчаса сиднем сидишь! И так на работе пропадаешь целыми днями, еще и по хозяйству ничего не делаешь! Да замолчи ты, Джой, не до тебя!

Собака залаяла еще громче.

— Я работаю, потому что кто-то в семье должен зарабатывать! А не только тратить! Джой, ну что с тобой?! Тихо! Это я не тебе!

Собака быстро бегала по квартире, при этом скуля и лая.

— Что это с ним?

— Не знаю! Где поводок? Джой, успокойся! Гулять!

— По пути хлеба купите!

— Хорошо!

* * *

Джой всегда их мирил. Да, думал он, немного вспыльчивые, но зато быстро отходчивые. Он знал, что главное — не дать скандалу разгореться. Нужно развести пару по разным комнатам или вытащить кого-нибудь из них на улицу. Как правило, через какое-то время оба уже забывали, из-за чего орали друг на друга.

Был, конечно, и печальный опыт, когда Джой проспал скандал, потому что заснул на балконе, и чета Павловых разбила пару тарелок. Супруг собрал сумку и куда-то уехал. Она каждый вечер пила вино, плакала, что-то пыталась объяснить Джюю:

— Джой, он дурак! Ну неужели он не видит, что я хочу как лучше?! Мне что, его вообще не критиковать? Но тогда это буду не я. Мямля какая-то. Всё в себе носить — я не смогу. Нет, сначала смогу. Но потом — взорвусь. А он тоже хорош. Ну уступи, промолчи, я же через час успокоюсь. Нет же: «Я так больше не могу! Это ненормальные отношения», — она очень похоже передразнила хозяина. — Может, действительно, мне надо было рот на замок закрыть?! Ну ты-то, Джой, почему молчишь?